

— Здравствуйте, мистер Горбин, — поздоровалась девушка, кладя руки в перчатках на запыленный кассовый стол, — вам передали на хранение вещи Маркуса де Веллера.

Марта посмотрела на него исподлобья, и мужчина, окинув взглядом ее скрытого под тенью капюшона спутника, обнажил подгнившие зубы в улыбке.

— Мортис де Веллер... — подобострастно выдохнул он, и Марта скрипнула перчатками, сжимая столешницу, — конечно, конечно, сейчас...

Он быстро затрусил обратно. Северус поднял бровь, удивленный таким обращением, но ничего не сказал.

Он окинул взглядом погруженное во мрак помещение, с висящими под потолком крюками и люстрами, обтянутыми паутиной. Марта отошла в сторону, приблизившись к одной из витрин, и склонилась над ней, рассматривая засушенную человеческую кисть. Она выглядела обугленной, покрасневшей, с торчащими из пальцев фитилями, сделанными из волос покойника.

— Рука Славы, — негромко прокомментировал Снейп, — призвана освещать путь даже в крошечной тьме и только своему обладателю.

Марта посмотрела на отражение профессора в стекле витрины, что наблюдал за ней, и выпрямилась, ощущая странное беспокойство. Перед глазами стоял образ отца, горевшего заживо.

Она сглотнула и обернулась на шорох. Мистер Горбин вышел с крупной деревянной шкатулкой, обнимая ту обеими руками, как ребенка. Она была с мягкими углами, неровной прямоугольной формы, обвитая ветвями, словно выдернутая из лона природы, с золотой изящной защелкой-рычажком на боку.

— Превосходный антикварный ларь, — с плохо скрываемым восхищением сказал мужчина, — мадам Габриэлла де Веллер долго отвергала моих посыльных с просьбой выкупить его из личной коллекции вашего отца, — он любовно провел по ней ладонью и предоставил Марте возможность изучить содержимое.

Северус оставался в стороне, наблюдая, как Марта откинула крышку ларца и погрузила в него руки. Горбина дернуло, когда внутри что-то грохнуло, клацнуло, и он сдержался, чтобы не сжать ладони в кулаки и не обругать девчонку за такое грубое обращение с вещами, за которые он отдал немало кровных.

— Вы пытаетесь обмануть меня? — спросила Марта, поднимая голову и смотря на мужчину. На поджаром лице мужчины отразилось недоумение. Он бросил взгляд голубых, с лопнувшими капиллярами, глаз, на сундук, и нервно усмехнулся:

— Не понимаю, о чем вы говорите, мисс...

— Здесь должна быть записная книга, — твердо сказала девушка, — вы ее прикарманили?

Северус прищурился, всматриваясь в лицо продавца. Тот чуть не задохнулся от возмущения, и придвинул шкатулку к себе обратно.

— Как вы смеете... — процедил он, — я честно выплатил каждый галлеон!

Марта усмехнулась.

— Мне известно, как вы торгуете, увольте. Бабушка Габриэлла пощадила вас только из-за меня. Мы избавляемся от лишнего, поэтому согласились на вашу цену. Стоимость этих вещей... — она махнула рукой, — исчисляется парой тысяч галлеонов. Весьма щедрое пожертвование для вашей лавки.

Горбин презрительно выпятил верхнюю губу.

— Сделка уже совершена. Я вполне могу отказать вам в обслуживании, являясь полноправным владельцем этих вещей, — ядовито сказал он.

— При отце вы не посмели бы так разговаривать, — отбрила Марта.

— Прошу заметить, — Горбин поднял брови, — его здесь нет. Равно как и ваших привилегий. Мои обязательства перед вами держатся на данном мадам Габриэлле слове, но выслушивать оскорбления я не намерен. Вы либо платите — либо уходите, — он опустил крышку ларца.

— Плачу? — со смешком переспросила Марта, приподнимая бровь, — вы слышали, что я сказала?

— Комиссия за посредничество... — высокомерно проговорил Горбин, не сводя с нее глаз, — взимается с обеих сторон. Это правило.

Марта клацнула челюстями, одарив его тяжелым взглядом.

— Да вот только книги, нужной мне, здесь нет. Что возвращает нас к изначальному вопросу. Где. Она? — последние слова Марта выдавила, опасно понизив голос.

Черт возьми, он за дуру ее держит?

За спиной раздаётся усталый вздох.

— Мистер Горбин... — подал голос Северус, мужчина повернулся к нему, — вы все время находились в магазине?

— Я живу здесь, — сощурившись, неприязненно бросил он.

— И не замечали ничего подозрительного? — Северус легким движением вытянул волшебную палочку, что покоилась в чехле под рукавом мантии.

Продавец надменно фыркнул.

— Вы в Лютном, мистер, — выплюнул он, отсекая дальнейшие вопросы.

— Тогда прошу меня извинить... — протянул зельевар, быстро нацелив палочку ему в лоб, — Петрификус Тоталус.

Мужчина застыл на месте с испуганным выражением лица, а затем привалился к стене и с грохотом упал на пол.

Марта раскрыла рот, чтобы спросить, какого черта он сделал, но Снейп быстрыми шагами пересек комнату и еще раз занес палочку над его головой. Девушка видела, как в панике бегали глаза Горбина, пока профессор копался в его голове. Она не слышала, чтобы он произносил заклинание, но Северус безотрывно смотрел на мужчину на протяжении нескольких минут. Вариантов, кроме Легилименса, не было.

Северус быстро пролистывал воспоминания Горбина. Вот он говорит с одним из посыльных, и Снейп движется дальше, отмахиваясь от мелькнувшей вывески «Яды и отравы Шайверетча»... Вот он видит, как Горбин, рассматривая бутылки за баром «Белой Виверны» не глядя на собеседника рассказывает о будущей поставке... Затем Снейп выхватывает последний кусок воспоминания — приветствие Габриэллы, когда она, придерживая подол мантии, в черных очках и шляпе плывет в магазин... А Горбин замечает какое-то движение за окном и рывком задергивает штору.

— Обливиэйт, — Северус выпрямился, стирая мужчине память о сегодняшней встрече и просьбе Габриэллы.

— Вы что-то узнали, профессор? — поинтересовалась Марта, бросая быстрый взгляд на Горбина. Она не знала, как долго еще продлится Петрификус.

Снейп только взмахнул мантией и двинулся на выход со словами:

— Пойдемте. Я аппаррую вас в Мунго.

— Что?! — в ужасе воскликнула Марта, оставшись стоять на месте.

Северус скривился от того, что опять нужно все объяснять. Он развернулся и, хватая ее за рукав, потащил прочь из магазина.

— Прекратите вырываться и верещать! — недовольно сказал он, когда девушка стала дергать рукой и ругаться себе под нос, пытаясь выведать, что же он увидел. Они остановились у одной из улочек, и Снейп резко развернул Марту к себе лицом.

— Вы знаете, где дневник?! — наседала она.

— Вы можете замолчать?!

— Вы не от...

— Молчать! — резким приказным тоном.

Марта быстро захлопнула рот и нахмурилась. Профессор, не сводя с нее недовольного взгляда, порывисто оправил рукав мантии. Двинулся дальше по улочке, и Марта сорвалась следом от него:

— За мной, — как по команде.

Когда она поравнялась с ним, Северус, не скрывая своего настроения, сказал:

— День прожит зря, если вы не устроите хотя бы один концерт?!

Марта раздраженно осердила зубы, собираясь ответить, но:

— Это был риторический вопрос.

Она лишь сделала глубокий вдох и умолкла.

Пытаться сейчас выпытать у него хоть толику информации — все равно, что копать мерзлую землю ложкой. БЕС-ПО-ЛЕЗ-НО. Северус ни слова по делу не скажет, пока Марта не угомонится. Изводить студентов молчанием — его любимый метод дрессировки. Так он прививал слизеринцам дисциплину.

Спустя несколько минут гнетущей тишины, декан негромко поведал о том, что по счастливой случайности (или року судьбы) ему известна личность человека, укравшего дневник. Тот был сведущ в делах черного рынка и не упускал возможности приватизировать то, что плохо лежит,

подслушал разговор Горбина. Ему и стоило только, что ненадолго отвлечь продавца и забрать любую вещицу из сундука — вряд ли он до конца осознавал ценность хотя бы одной из них, а потому не особо выбирал. Чтобы пропажи не заметили, взял самое неприметное, наложив на Горбина Конфундус.

— Странно, что он не использовал Обливиэйт, — заметила Марта.

— Нервничал, не стал рисковать. Опытный волшебник заметит, если Обливиэйт будет наложен неправильно. Проще не попадаться на глаза такой параноидальной личности, как Горбин, и сделать все быстро, — отозвался Снейп.

Марта кивнула, отметив, что в этом есть логика. Северус искоса поглядел на нее и поинтересовался:

— Скажите мне, будь ваш отец жив, как бы он отреагировал на пропажу?

Вопрос — морозом по коже.

— Вас интересует, способен ли мой отец на убийство? — невесело усмехнулась Марта.

— Вы это сказали. Я спросил только о реакции.

Она непроизвольно дернула губой. Капкан в голове захлопнулся.

Боже, сама сходу предположила худший расклад...

А могло быть иначе? За пятнадцать лет жизни с отцом Марта отлично усвоила одно — он умел отделять чувства от действий. Если есть «надо», для него не существовало «не могу». Он просто делал.

Делал с ней.

Ведь она была тем самым «надо».

Но способен ли он на убийство... человека?

Марта мрачно смотрела на неровные швы брусчатки под ногами. Не могла выдавить из себя ни «да», ни «нет». Сомневалась. И ответила честно:

— Не знаю, профессор. Но на маму он никогда не поднимал руку. Даже после... В общем, нет.

— Он ежедневно подвергал вашу жизнь опасности, если вы вдруг забыли, — холодно напомнил Северус, — в любом случае, не берусь в это лезть. Когда дело касается семьи, не всегда можно найти простые ответы. Любовь может как вытянуть из безумия, так и толкнуть в него.

Марта провела в задумчивом молчании всю дорогу.

Любовь.

Любил ли её отец? А она его?

Она точно не жалела, что он умер. Испытывала вину, но не жалела. Создатель погиб от рук своего творения, чтобы даровать ему свободу.

Марта ни за что бы не вернулась в этот ад.

Но ее состояние погранично, так уж устроен мозг. На каждый кнут она умудрялась подобрать пряник. Отец причинял ей боль бесчисленное количество раз, она же хваталась за крупички, чтобы найти нечто хорошее в нем. Чтобы углядеть любовь, которой училась сама.

Мать была холодна с ней, в то время как он мало-помалу компенсировал это, несмотря на все зверства. Флоренция же даже не притрагивалась к ней.

Не притрагивалась...

Марта стала копаться в воспоминаниях. Отец чаще всего предпочитал атаковать ее со спины, пока она, трусливо дрожа, утыкалась невидящим взором в книжные стеллажи напротив. Было ли это его снисхождением?

Было ли это снисхождением к самому себе, чтобы не видеть, как её лицо искажается от боли? Пытался ли он тем самым защитить себя от душевных страданий?

И как скоро в итоге растратил всю человечность?

Господи.

Это похоже на безумие.

Безумие, если она все ещё читает в поступках отца то, чего нет.

У нее до жути неправильная, болезненная привязанность к тому, кто сделал ее жизнь невыносимой. К тому, кто придумал пытку похуже Круциатуса...

Марта восторженно охнула.

— Отец! У нас будет свой домовик?

Маркус прошёл к столу и отодвинул стул.

— Лишним не будет. У меня прибавилось работы.

— Ну и замечательно! — Марта села на колени перед вислоухим домовиком, — ты все равно плохо готовишь.

За спиной раздался смешок.

— Рад познакомиться с вами, юная хозяйка, — эльф заламывал свои щупленькие ручки.

На эльфе была серая роба — ничего примечательного. Примечательны его большие голубые глаза.

— Я тоже весьма рада знакомству, маленький друг! — склонив голову в почтительном поклоне и манерно, подобно леди, промолвила Марта.

Эльф заскулил, уши поникли.

— О, мисс... — плаксиво протянул он, — я низкое, низкое существо! Вы не можете так прибить себя, называя меня своим другом. Я этого недостоин!

Марта удивлённо хлопнула глазами, раскрыв рот. Вместо неё ответил отец:

— Если моя дочь так решила, ты обязан её слушать, а не раздавать советы.

Она чуть не подавилась воздухом — так глубоко вздохнула. Марта резко вскочила на ноги и обернулась.

— Это мой личный эльф?

Все внутри замерло в трепетном ожидании.

Маркус, сложив руки в замок, смотрел на эльфа — не на дочь. Под его взглядом тот тут же вытянулся по струнке.

— Он будет сопровождать тебя на прогулках, — проговорил Маркус, — можешь общаться с ним в свободные часы, но не отвлекай его от работы. Это его первостепенная задача...

— Поняла, — девочка быстро кивнула, стараясь сдерживать внутренний порыв запрыгать на месте от радости, — я не побеспокою его, честно-честно!

— Хорошо. Теперь, — он повел подбородком вверх, обращаясь к эльфу, — можешь подать нам ужин...

— Папа! — Маркус прервал свою речь. Замолкла и она, сама удивленная таким обращением.

С десяти лет, после первого Круциатуса, она звала его исключительно отец. Прошло уже два года.

— Спасибо! — на выдохе.

Маркус медленно и задумчиво кивнул.

Марта опустила глаза, но быстро встрепенулась, резво отодвигая стул рядом и присаживаясь.

— Знаешь, у миссис Малфой дома много эльфов! — затараторила она, — они мне, конечно, не показываются, но Драко сказал, что...

— Драко? — Маркус улыбнулся уголками губ.

— Э... Мистер... Э... То есть... Юный мистер Малфой, — она принялась нервно перебирать подол платья, что прикрывал коленки.

— Ты ведь не рассказываешь ему ничего лишнего?

— Нет! — поспешно воскликнула Марта, повернув голову так быстро, что короткие кудряшки хлестнули по щекам, — конечно, нет.

— Люциус — мой старый друг, но ты должна понимать, что он человек очень строгих взглядов, — Маркус чуть наклонил голову.

— Я ему не нравлюсь, потому что мама была магллой, — эти слова Марта произнесла, вперив взгляд в стол, — ты бы хотел, чтобы вместо неё у тебя была другая женщина? Если бы я не родилась?

— Не хотел бы, — ни на секунду не задумавшись, ответил Маркус.

Марта посмотрела на него. Сердце пропустило удар, чтобы затем...

— То, что ты есть у меня — дар судьбы, — внушительно, подкупающе заглядывая дочери в глаза, заговорил он. Протянул к ней руки, обхватывая её ладонь своими.

— Ты осваиваешь магию без палочки, кто ещё на такое способен?

Мир прекратил движение.

Она хотела услышать совсем не это.

Марта вдруг ощутила себя оболочкой, начиненной органами. Пустым сосудом,местилищем для чужих амбиций, где её «Я» — всего лишь фон.

<http://tl.rulate.ru/book/101458/3489897>